ОТВОДЪ.

Прочитавъ или прослушавъ разсказецъ Ивана Абрамовича, который мы назвали его же словами: *хлѣбнымъ дѣльцемъ*, одинъ веселенькій и бывалый старичокъ сказалъ:

— Эки времена пришли, что ужъ вамъ и эдако дѣло на диво!

Нѣтъ, мы видывали виды и почище этого. Въ наше время полиція держала себя такъ, что у нея всякое дѣло было страхомъ огорожено, и безъ воли ея приступу не было никому и ни къ чему. Бывало, у кого какая пропажа случится, такъ и воръ–то не такъ таится съ нею, какъ тотъ, у кого украли. Заботились, бывало, только о томъ, чтобъ все было благополучно, то–есть тихо, и никакихъ случаевъ не оглашалось; а кто проврется на сторонѣ, что обокрали его, да полиціи сверху дадутъ нагоняя, такъ сейчасъ закипитъ слѣдствіе, такое, что обокралъ ты самъ себя, вещи, то–есть скрылъ, а самъ съ назолу, да отъ

должниковъ отвиливая, распускаешь несообразныя съ дѣломъ слухи и жалобы. Вотъ тогда и узнаешь, каково вслухъ плакаться на обиду свою.

Жилъ небольшой чиновникъ на Махровой улицѣ, внизу, такъ что подоконники приходились мало повыше росту человѣка. Окна выходили на улицу, а супротивъ одного простѣнка стоялъ фонарный столбъ. Проснувшись ночью отъ какого–то стука, онъ выглянулъ съ постели изъ–за ширмъ и видитъ, что кто–то возится съ улицы, у окна. Онъ всталъ потихоньку, ухвативъ бутылку за кистень мѣста, и подошелъ съ боку къ окну; тутъ онъ очень ясно увидѣлъ вотъ что: фонарщикъ подставилъ лѣсенку свою къ окну, растворилъ какъ–то плохо притворенную форточку, засунулъ туда руку и шарилъ по окну. Не долго думавъ, чиновникъ бросилъ кистень свой, да кинувшись, поймалъ вора за руку, а самъ, упершись ногами въ стѣну, сталъ тащить его къ себѣ и кричатъ караулъ; а тотъ вырывается изо всей мочи, словно капканъ этотъ не по нраву ему

пришелся. Такъ они, сердешные, оба бились, бились, ночь глухая, чиновникъ жилъ одиноко, изъ дому некому выбѣжать на помощь; по улицѣ знать, прохожихъ не случилось, а ино и были да обходили: кто въ такое дѣло станетъ впутываться; ни тотъ, ни другой не одолѣетъ: нельзя чиновнику протащить вора за руку въ форточку, этотъ поперегъ коломъ повернулся, да упирается, и стекла перебилъ, и свободную руку обрѣзалъ; и вырваться–то нѣтъ силъ, видно хорошо его прихватили. Однако выбился изъ силъ чиновникъ, видитъ, что не удержитъ; онъ потянулъ своего ворога на себя что есть мочи, да вдругъ и отпустилъ его вовсе; этотъ сорвался, упалъ на каменную плиту, да и не встаетъ. Выглянувъ въ форточку и увидавъ его тутъ, чиновникъ наскоро одѣлся, разбудилъ дворника, поднялъ тревогу и послалъ за полиціей. Пришли, все осмотрѣли, покачали головой, тотчасъ отобрали допросы, а фонарщика, у котораго оказалась одна нога переломленною, отправили. Чиновник мой успокоился, сколько могъ, похрабрился,

что поймалъ вора, загородилъ, какъ и чѣмъ могъ, разбитое окно, и не могши болѣе уснуть, сталъ выжидать дня.

Рано утромъ является опять полицейскій, за новымъ осмотромъ и новыми допросами. Ему рады все показывать, хоть десять разъ сряду, не замѣчая, къ чему дѣло клонится.

— Послушайте, сказалъ наконецъ блюститель порядка, разузнавъ и разспросивъ все: — все это такъ, да вѣдь хлопотъ вамъ много будетъ по этому дѣлу и безпокойно; оно, знаете, съ одной стороны, не хорошо и непріятно для насъ и для начальства, что случилось это съ полицейскимъ служителемъ, а съ другой стороны, что вамъ пользы заводить такое дѣло? Пропажи у васъ, слава Богу, не произошло; за разбитыя стекла мы взыщемъ съ него и это все поправимъ; право такъ, вѣдь онъ же бѣднякъ и ногу сломилъ — а что ни говорите, все онъ солдатъ, человѣкъ казенный, искалечился, долженъ въ неспособные попасть — знаете,

оно и для васъ будетъ хлопотно и непріятно…

Мой чиновникъ глядѣлъ на этого чиновника, вытараща глаза, и слушалъ эту тарабарщину, не понимая ни слова. Какое это соболѣзнованіе о бѣднякѣ, сломившемъ ногу, когда бѣднякъ этотъ влѣзъ въ чужое окно; что тутъ можетъ быть нехорошаго, особенно для того, къ кому онъ было влѣзъ; какая тутъ связь съ будущею неспособностью этого вѣрнаго служиваго — ничего онъ не понималъ, а отвѣчалъ съ нѣкоторымъ негодованіемъ, что онъ не видитъ никакой причины для такого потворства мошенникамъ, крайне удивляется такому совѣту со стороны полицейскаго чиновника и проситъ вести дѣло своимъ порядкомъ, хотя бы ему, хозяину, и пришлось вставить стекла на свой счетъ.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ тотъ: — мое дѣло сторона, я только такъ сказалъ.

На другой день чиновникъ полиціи является къ нашему чиновнику уже не съ тѣмъ лицомъ и не съ тѣми пріемами.

Кроткая улыбка его подцвѣчена какою–то немножко лукавою ужимкою. Онъ сообщилъ второму, что дѣло запутывается и въ нѣкоторомъ родѣ принимаетъ совсѣмъ новый видъ. Служитель подалъ уже просьбу, вслѣдъ за согласнымъ съ нею первымъ показаніемъ своимъ, слѣдующаго содержанія:

«Съ такого–то на такое–то число текущаго мѣсяца, находясь ночью при отправленіи должности своей, по званію фонарщика Махровой улицы, примѣрно, часу въ третьемъ, и проходя мимо такого–то дома, усмотрѣлъ я въ окнѣ нижняго жилья растворенную форточку. Обязанный, вслѣдствіе неоднократныхъ приказаній и подтвержденій своего начальства, способствовать при ночныхъ обходахъ своихъ всемѣрно предупрежденію и пресѣченію безпорядковъ, въ особенности же воровства, я счелъ полезнымъ затворить форточку, дабы не подала она поводъ неблагомыслящему и не ввела въ соблазнъ неразсудительнаго; а потому, приставивъ лѣстницу свою и убѣдившись, что въ

квартирѣ сей огня нѣтъ и жильцы уже покоятся, какъ и должно было полагать по времени ночи, я сталъ осторожно притворять форточку. Но въ это самое мгновеніе, неизвѣстный мнѣ человѣкъ, кинувшись на меня изнутри комнаты съ необычайною лютостью, столкнулъ меня сильнымъ ударомъ въ грудь съ лѣстницы, отчего я упалъ навзничь на плитнякъ и, кромѣ значительнаго поврежденія ушибомъ затылка и становой кости, переломилъ правую ногу, повыше щеколодки, съ изломомъ, какъ голенной, такъ и берцовой костей, отчего должно послѣдовать укороченіе ноги сей, если только Богу угодно будетъ спасти на сей разъ меня отъ смерти, и неспособность моя къ дальнѣйшей службѣ. Что и показалъ по сущей справедливости» и пр.

Этотъ нечаянный оборотъ дѣла до того всполошилъ нашего чиновника, что онъ вовсе не могъ ничего отвѣчать и не могъ даже опомниться и сообразиться. Онъ бросился къ своему начальству, пылая негодованіемъ, разсказалъ все дѣло и

оборотъ, который ему теперь даютъ, послѣ безуспѣшнаго совѣта помириться и прекратить искъ. Начальство выслушало все это съ терпѣніемъ, вниманіемъ и соболѣзнованіемъ; если хотите, даже и съ негодованіемъ; но затѣмъ, пожавъ плечами, сказало: «А что я тутъ сдѣлаю? Какою властью вмѣшаюсь, какими средствами изобличу мошенничество? Вы знаете, что участіе мое по такому дѣлу ограничивается отряженіемъ на слѣдствіе, по требованію полиціи, депутата. Очень тяжело мнѣ присоединиться совѣтомъ своимъ къ совѣту полицейскаго чиновника, склонявшаго васъ къ мировой, но я прибавлю къ этому одно только опасеніе: не было бы поздно.»

Что было дѣлать? Запутаютъ въ такую непроходимую, что жизни не будешь радъ; подобное дѣло тянется годы; будешь подъ слѣдствіемъ, подъ судомъ, ни дня покою, отписка, хлопоты, придирки, непріятности начальству, которое, чего добраго, предпочтетъ отдѣлаться отъ всего этого увольненіемъ подсудимаго въ отставку, замаранный формуляръ, сомнительный

исходъ, послѣ томительнаго ожиданія — все это невыносимо тяжело; и дѣло, вслѣдствіе всѣхъ разсужденій этихъ, приняло опять новый оборотъ: чиновникъ нашъ сталъ самъ просить мировой, а противная сторона, изувѣченный фонарщикъ, не мирился, требуя уплаты за увѣчье и за безчестье... Чиновникъ отдалъ годовое жалованье и служилъ, вслѣдствіе этого, два года на половинномъ...

— Къ слову пришлось, сказалъ старичокъ: — такъ ужъ выслушайте и другой случай, не хуже этого.

«Такой же мелкій чиновникъ шелъ ночью откуда–то домой. Проходя въ тѣни и потемкахъ, насупротивъ церкви своего прихода онъ видитъ, при свѣтѣ тусклаго фонаря, у воротъ церковныхъ, видитъ довольно ясно человѣка, который копается около кружки. Прижавшись къ стѣнкѣ, прохожій сталъ всматриваться и убѣдился, что надъ кружкой работаетъ будочникъ. Постоявъ еще немного въ изумленіи и страхѣ, онъ также видитъ своими глазами и послѣдствія этихъ стараній: служба,

отломавъ кружку, уноситъ ее прямо въ свою будку, стоявшую близенько, за угломъ. Лишь только прохожій остался одинъ, какъ опрометью бросился къ приходскому священнику, съ которымъ былъ и лично хорошо знакомъ, разбудилъ его и разсказалъ ему все, что видѣлъ. Послали тотчасъ за полицейскимъ чиновникомъ, который не зналъ о чемъ идетъ рѣчь, и всѣмъ причтомъ отправились къ церкви. Здѣсь кружки не было и всѣ осмотрѣли и ощупали, что она выломана. Чиновникъ нашъ, прихожанинъ этой же церкви, горячился, не зная мѣры своему негодованію, и, въ полномъ убѣжденіи правоты и чистоты своихъ дѣйствій, первый бросился къ будкѣ, которая была немедленно обыскана въ присутствіи причта и нѣсколько растерявшагося квартальнаго. Онъ видѣлъ крайнюю необходимость сдѣлать какой нибудь отводъ этому дѣлу и не оглашать его, но не зналъ какъ это сдѣлать, не успѣвъ къ тому приготовиться и сообразиться. Покуда онъ приговаривалъ: «Позвольте, позвольте», общій говоръ

толпы покрывалъ нерѣшительные возгласы его; всѣ шли впередъ и уже обыскивали, между тѣмъ, какъ онъ совался туда и сюда и старался въ испугѣ переговорить нѣсколько словъ глазъ на глазъ съ будочникомъ. Въ эту минуту кружка была найдена въ самой будкѣ. Съ торжествомъ и крикомъ была она вынесена; всѣ осмотрѣли и освидѣтельствовали ее; она была еще цѣла. Священникъ взялъ ее съ собою, пославъ тотчасъ причетника за церковнымъ старостою, у котораго находились ключи, и пригласивъ съ собою чиновника; а полицейскій остался распорядиться, по усмотрѣнію, около будки; это уже до прочихъ не относилось.

«Казалось бы, случай этотъ таковъ, что не подлежалъ ни сомнѣнію, ни даже какому либо существенному искаженію: прохожій видѣлъ, что будочникъ выломилъ кружку и она, имъ и всѣмъ причтомъ, въ присутствіи полицейскаго, отъискана была въ будкѣ. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ и былъ заключенъ актъ за общею подписью;

а относительно перваго принято объявленіе отъ чиновника.

«На другой день, къ крайнему изумленію чиновника, началась точно та же продѣлка, что и по поводу фонарщика. Свидѣтеля стали убѣждать бросить дѣло это, не оглашать его и замѣнить первое объявленіе свое другимъ, въ которомъ дать дѣлу такой оборотъ, что онъ только видѣлъ кружку въ рукахъ будочника, когда проходилъ мимо, но не видѣлъ, какъ онъ ее отламывалъ. Но этотъ чиновникъ былъ не такъ сговорчивъ, какъ первый; онъ отвергъ все это съ негодованіемъ, говорилъ и кричалъ объ этомъ всюду и настаивалъ положительно на томъ, что видѣлъ. А будочниками подано было между тѣмъ вотъ какое объявленіе:

«Ночью на такое–то число, примѣрно часу во второмъ, стоялъ я, такой–то, на часахъ у такой–то будки; услышавъ подозрительный стукъ у воротъ церкви, я пошелъ туда, вызвавъ напередъ товарища, подчаска, а этотъ, услышавъ вслѣдъ затѣмъ крикъ мой, вызвалъ и третьяго, прибѣжавъ

ко мнѣ на помощь. Я же увидѣлъ, что какой–то человѣкъ, въ шинели и фуражкѣ, отломавъ уже церковную кружку, только–что сунулъ ее подъ шинелъ; когда я закричалъ и бросился на него, то онъ побѣжалъ, кинувъ кружку, которую я тотчасъ подобралъ; мы преслѣдовали его до такого–то мѣста, гдѣ вовсе потеряли изъ вида и воротились, взявъ кружку до утра въ будку. Подчасокъ сталъ одѣваться, чтобы дать знать объ этомъ квартальному; какъ вдругъ нагрянулъ на насъ толпою весь причтъ и съ ними еще нѣсколько постороннихъ людей, которые, не спрашивая насъ ни о чемъ и не слушая г. квартальнаго, который ихъ неоднократно останавливалъ, силою ворвались въ будку, съ причиненіемъ часовому побоевъ, и взявъ оттуда кружку, съ шумомъ и крикомъ ее унесли. Къ сему имѣемъ еще присовокупить, что преслѣдованный нами грабитель по одеждѣ своей походилъ на гражданскаго чиновника и что мы узнали его тотчасъ въ томъ самомъ человѣкѣ, который первымъ ворвался въ будку,

оттолкнувъ силою часоваго, о чемъ и объявляли мы тогда же, но за общимъ шумомъ и при запальчивыхъ дѣйствіяхъ всей толпы, никто насъ не слушалъ. По удаленіи же прочихъ съ кружкою, мы тотчасъ объявили обо всемъ прописанномъ г. квартальному надзирателю.»

Слѣдствіе тянулось два года; чиновника истомили до отчаянья и неменѣе того онъ былъ преданъ уголовному суду, «за отломаніе церковной кружки». Могъ ли онъ оставаться послѣ этого при мѣстѣ? Онъ былъ уволенъ. Судъ оправдалъ его, оставивъ будочниковъ въ «сильномъ подозрѣніи»; но это участи бѣдняка не облегчило. Болѣе этого судъ и не могъ сдѣлать, потому что основываетъ приговоры свои на слѣдствіи, а оно–то постоянно находится въ рукахъ полиціи.